

Н. Попова

КОНГРЕГАЦИЯ ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Москва,
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова, Н.

П58 Пастырь добрый / Н. Попова – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 538 с. – (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-03021-4

Странные и страшные дела происходят в славном городе Кёльне. И происходят, судя по всему, уже давно. Но никто не замечает этого, потому что никого всерьез не интересует, что видят, думают и чего боятся дети. Никого, кроме одного дотошного молодого следователя кёльнского отделения Конгрегации. Но даже Курт Гессе с его обостренным чутьем не может предположить, с чем ему придется столкнуться, начав изучать легенды вековой давности...

BIC FM

BISAC FIC009000

© Надежда Попова, текст, 2021

© Анастасия Белецкая, обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021

ISBN 978-5-517-03021-4

© Т8 Издательские технологии, 2021

*Автор выражает благодарность
Надежде Шолиной,
доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина,
за помощь в блуждании
по дебрям латинских надежей.*

*Ego sum pastor bonus et cognosco meas
et cognoscunt me meae. (John, 10; 14)*¹.

ПРОЛОГ

Друденхаус этим октябрьским вечером плавал в полумраке и нерушимом безмолвии. После двухмесячного отсутствия глухие, озаренные трепещущими факелами недра главной башни, казались какими-то незнакомыми. Курт приостановился, вскользь обернувшись через плечо на вход в часовню, где провел последние полчаса, и неспешно зашагал из подвала прочь.

Явившись в Кёльн минувшей осенью, он не почувствовал, что вернулся домой — одного факта рождения в этом городе оказалось не довольно, а первые одиннадцать лет жизни, проведенные здесь, пусть и не изгладились из памяти, однако не остались в сердце. Домом навсегда стала академия, и когда после прошлого дознания пришлось вернуться в ее стены на почти два месяца, это было настоящим отдохновением. К счастью, служба в Кёльне не омрачалась придирчивостью начальства или высокомерием старших сослуживцев, что уже значило немало для того, кто получил Знак следователя Конгрегации чуть больше полутора лет назад. Однако вообразить себя живущим в этом городе всегда он не мог, по-прежнему ощущая себя здесь чужим. Башни Друденхауса были небольшим исключением; быть может, оттого, что в этом месте Гессе проводил больше времени, нежели в своем жилище, и потому что именно здесь его окружало все то, что составляло всю его жизнь, что было его бытием и призванием...

¹ Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня (Иоанн, 10; 14) (лат.).

Путь к лестнице на первый этаж пролегал мимо тяжелой, потемневшей от факельного чада окованной двери в допросную, и, проходя мимо, Курт на мгновение приостановился, глядя на массивную створку. Только сюда он еще не заходил сегодня, в свой первый день по возвращении в Кёльн — не потому, что это пробуждало тягостные воспоминания или гнело душу, а оттого, что эта часть подвала воспринималась не как часть службы, а, скорее, как редкое, временами неизбежное, но нежелательное дополнение; точно так же ему не пришло бы в голову, прогуливаясь по башням, посетить кладовку или, к примеру, нужник. Разве что по делу, уточнил он с усмешкой, направившись по коридору дальше.

Курт остановился, пройдя всего два шага: из-за двери в допросную ему послышался не то стон, не то вскрик — тихий и словно заглушенный.

Он нахмурился, вслушавшись и сделав шаг назад, пытаясь понять, не почудилось ли ему: арестов в последние дни не было, это он знал наверняка. Аресты, совершаемые служителями Друденхауса, были вообще явлением весьма редким, не говоря уже о том, что допросы в этой части подвала с применением особых мер производились только ввиду особых обстоятельств, после долгих и тщательных обсуждений с господином обер-инквизитором, после подачи соответствующего запроса и по его соизволению. Ничего подобного ни сегодня, ни в минувшие несколько дней не происходило. Если аресты были редки, то подобные допросы — вовсе исключительны, и не сообщить вновь прибывшему о чем-то подобном встретивший его сегодня сослуживец просто не мог, как не мог бы не рассказать, например, о том, что одна из двух башен Друденхауса внезапно поутру обвалилась в разверзшиеся земные недра.

Курт вернулся к двери, склонив голову к самой створке и прислушавшись. Когда совершенно явственно различимый стон-полувскрик повторился, он взялся за ручку, однако допросная оказалась замкнута изнутри.

— Это уже ни в какие рамки, — пробормотал он настороженно, вновь неведомо зачем толкнув явно запертую створку, и, не достигши результата, решительно ударил в дверь кулаком.

Внутри что-то упало, загремев, и застыла тишина, не нарушаемая более ни единым звуком. Прождав с полминуты, Курт уже откровенно выругался, саданув в окованные доски теперь носком сапога. На этот раз зазвучали шаги, направляющиеся к двери — спешные, почти бегущие; засов с той стороны шаркнул по петлям, и створка приоткрылась — всего на ладонь, полностью скрывая от него нутро комнаты с низким темным потолком и оставляя в пределе видимости лишь голову человека на пороге. Голова имела недовольное лицо и зарождающуюся залысину.

— А, академист! — поприветствовала голова, а руки меж тем продолжали держать створку с той стороны, не позволяя ему войти. — Вернулся... Поздравляю с повышением.

— Что происходит, Густав? — требовательно спросил Курт, пытаясь заглянуть внутрь через его плечо, и, не сумев, попытался открыть дверь. Рука сослуживца напряглась, и дверь осталась полузакрытой. — Почему допросная в деле? Кто там?

— Майстер инквизитор, ну, где же вы! Я уже почти готова раскатысь! — вдруг донесся из каменной комнаты голос — вовсе не умирающего от боли, а всецело удовлетворенного жизнью, хотя и несколько недовольного человека пола вполне определенно женского.

— Боже, Густав! — скривился Курт, отступив. — Старый извращенец!

— Кто бы говорил, — понизил голос тот, и из подвала послышалось — уже не столь томно, как прежде:

— Густав, ну, мне, в конце концов, холодно!

— А Керн знает, как ты используешь служебное помещение? — справившись с первой оторопью, усмехнулся Курт; тот оглянулся через плечо на не видимую из коридора кающуюся и выговорил раздраженно:

— Послушай, Гессе, сделай милость: исчезни!

Дверь захлопнулась перед его носом почти с ожесточением, и до слуха донеслись чуть различимые забористые ругательства; не дожидаясь всего того, что мог бы услышать еще, Курт развернулся к лестнице.

Первый этаж пребывал в такой же тишине и мрачности; все, кроме немногочисленной стражи, разошлись уже по домам,

и шаги гулко отдавались под сводами коридоров, одинокие и словно мнимые, как поступь заблудшего призрака, посему топот чьих-то башмаков из-за поворота донесся громко, отчетливо и слышимо издалека. Нарушитель тишины приближался быстро, и, явившись из-за изгиба каменного коридора, едва не столкнулся с Куртом.

— Вот черт подери... — проронил он, отпрянув от майстера инквизитора назад и схватившись за сердце. — Чтоб тебя...

— Куда торопишься, Бруно? — осведомился Курт, пропустив мимо ушей оба высказывания, одному из которых в башнях Друденхауса уж точно было не место. — Я полагал, после двухмесячного отсутствия ты отправишься к своим приятелям-студентам...

— И собирался, — кивнул тот недовольно. — Однако, как ты сам говорил, служебный день у следователя непредсказуем и в распорядок не укладывается.

— Так то у следователя. Ты что тут делаешь?

— Там посетитель, — с непонятной насмешкой сообщил Бруно, кивнув через плечо назад, где коридор упирался в неплотно прикрытую дверь, ведущую в приемную залу. — А поскольку единственный из следователей, кто сейчас в наличии на служебном месте, это ты — желаю приятного вечера.

Курт вздохнул.

К службе он относился добросовестно, с тщанием и даже любовью, однако сегодня, в первый день возвращения в Кёльн, после нескольких часов в седле и двух — в Друденхаусе, он желал, наконец, добраться до постели, выбрать из своих запасов книгу — наугад, все равно какую — и провести там еще пару часов до сна. На миг мелькнула мысль вытащить из допросной старшего сослуживца, занятого совершенно не служебным делом, однако была отринута тут же — то ли по снисходительности, то ли по причине сложности в ее осуществлении.

— Что за посетитель? — спросил Гессе, вторично разразившись вздохом; Бруно развернул его к двери, подтолкнув в плечо.

— Приличного вида юноша, — все с той же усмешкой отозвался помощник. — Серьезный, солидный, я б сказал... Лет юноше около десяти.

Курт остановился, обернувшись, и несколько мгновений изучал глумливое лицо напротив.

— Что — ребенок? — уточнил он, наконец, снова зашагав к двери — уже медленнее и еще более неохотно. — Господи! И что ему нужно?

— Не знаю. Мне он не говорит — требует инквизитора. Стоит у стенки, смотрит в пол, и всё.

Вздых прозвучал в третий раз — еще тяжелее и недовольнее. Детей Курт не терпел; он не умел с ними обходиться, невзирая на то, что в академии несколько уроков было посвящено именно тому, как общаться с оными представителями рода человеческого, буде возникнет необходимость взятия у них показаний. На теории это было довольно просто, однако в практическом применении все выходило гораздо сложнее, и из своих немногочисленных общений с детьми Курт вывел заключение: этих существ он не любит и не выносит.

Посетитель выглядел и впрямь до чрезвычайности серьезно; небедно, хотя и без роскоши, поразительно опрятно одетый мальчик стоял у стены, не прислоняясь к ней, заложив за спину руки, сцепленные в замок, и глядел на носки своих башмаков; лицо его было каким-то тусклым и чуть осунувшимся, словно он не спал всю предшествующую ночь. На Курта он взглянул так, что в душе шевельнулось невятное беспокойство — взгляд был таким же серьезным, как и сам облик припозднившегося посетителя. Навстречу мальчик шагнул первым, первым же поприветствовавши его — тоже как-то по-взрослому, поименовав Курта полным именем и должностью.

— Ты меня знаешь? — уточнил он, и мальчишка кивнул.

— Вас тут теперь все знают, майстер инквизитор.

Ответ был высказан в таком нешуточном тоне, что Курт перекинулся; дети, ведущие себя сверх меры по-взрослому, раздражали его и выводили из себя.

— Ты спрашивал инквизитора, — довольно неприветливо констатировал он. — Чего ради?

— Я хочу подать заявление, — сообщил мальчишка. — Вы ведь обязаны его принять, верно?.. Нет, — повысил голос мальчик, когда Курт, скривившись, попытался возразить, — я не на-

мерен жаловаться на соседей или винить кого-то... Я знаю, вы это уже проходили. Знаю, что женщина, у которой вы снимаете комнату — мать человека, несправедливо обвиненного в колдовстве; моим сверстником, если я не заблуждаюсь. Я слышал о делах-обвинителях, и я знаю, сколь немного доверия свидетелям вроде меня.

— Боже... — почти простонал Курт, стиснув ладонями виски, — свидетелям — чего?

— Вы уже не верите мне, еще меня не выслушав, — вздохнул мальчик, — так, да?

— Может, присядем для начала? — вклинился Бруно, кивнув на каменную скамью у стены; мальчишка вздохнул снова.

— Я бы хотел поговорить там, где посторонние нас увидеть не смогут, — возразил он твердо. — Не хочу, чтобы кто-то знал о том, что я был в Друденхаусе; об этом даже родители не знают, и я бы хотел, чтобы вы им не говорили. Ведь я имею право требовать... — мальчишка впервые замялся, припоминая сложное слово, — анонимности. Так?

— Если дело, с которым ты явился, окажется серьезным, тебе придется повторять свои показания снова — уже открыто. Об этом ты тоже знаешь?

— Я знаю, — начиная волноваться и несколько сбиваться со своего обстоятельного тона, кивнул тот, нервозно обернувшись на дверь входа. — Но я же говорил, что никого обвинять не собираюсь... Зря я пришел, — вдруг совсем по-детски поджав губы, выдохнул парнишка, отступив в сторону. — Прошу простить, что обеспокоил. Я пойду лучше...

— Стой, — ухватив своего странного посетителя за плечо, поспешно возразил Курт, раздражаясь теперь на себя и чувствуя укоризненный взгляд своего помощника. — Стой. Пойми мое недоверие: ты сам заметил, что твои сверстники — гости в Друденхаусе нечастые и, как правило, напрасные. Но если то, с чем ты пришел, и впрямь серьезно — тебя выслушают и, поверь, постараются разобраться.

Мальчишка снова обернулся на вход, внезапно растеряв всю свою решимость и уже явно раскаиваясь в собственной затее, поэтому Бруно шагнул ближе.